

Н.И. Стеблин-Каменский

БЕГСТВО, ПЕРЕСЕЛЕНИЕ, МИГРАЦИЯ: ВЫНУЖДЕННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ ПРОВИНЦИИ ВОЛЛО (ЭФИОПИЯ)

Трудовые мигранты из Эфиопии в страны Персидского залива часто говорят о своей миграции как о вынужденном решении, между тем язык «вынужденной мобильности», по-видимому, сформировался во времена, предшествующие интернациональной миграции, когда страна переживала тяжелый период засух и политической нестабильности. Провинция Волло в силу своего географического положения больше всего пострадала во время засухи и была основным источником переселенцев по программе переселения Дерга 1984–1986 гг. Несмотря на все особенности трудовой миграции из Волло в страны Залива, на уровне дискурса можно увидеть ее связь с предшествующими формами мобильности, которая объясняет широкую востребованность этой практики в сегодняшнем Волло.

Ключевые слова: Эфиопия, провинция Волло, трудовая миграция, формы мобильности.

Трагедия прошлого подогревает трагедию будущего, и демон голода отказывается быть изгнанным.

Дэссалень Рахмато

Трудовую миграцию из Эфиопии в страны Персидского залива принято рассматривать как новый феномен, не имеющий параллелей в прошлом, и на это есть весомые основания. Никогда прежде поездки на заработки за границу не были такими массовыми, не было способов быстро переслать деньги родственникам или связаться с ними по телефону. Наконец, отходничество существовало преимущественно как мужская практика, да и другие формы массовой мобильности являлись мужскими (например, военные походы). По некоторым оценкам, около 6 % молодого населения Эфиопии (на 2015 г.) находится за границей [Kefale, Mohammed 2016: 19]. Для провинции Волло, одного из основных источников трудовых мигрантов, эта цифра значительно выше. Так, данные, собранные мною в 2013 г., показали, что в одном из округов количество уехавших достигло 31,6 % от всего населения [Стеблин-

Каменский 2014: 39]. Такая предрасположенность к миграции требует объяснения, и мне кажется, что здесь полезно обратиться к идее Й. Карлинга, который рассматривает миграцию как социально сконструированный проект [Carling 2002: 13].

Исследование дискурсивной природы миграционного проекта не означает отрицания демографических и экономических факторов, но предполагает, что эти факторы влияют на принятие решений не сами по себе, а через дискурс, или, говоря проще, представление и знание о них. Й. Карлинг замечает: «И в бытовых обсуждениях миграции, и в научных описаниях мы часто сталкиваемся с мыслью, что люди мигрируют (или хотят мигрировать) из-за бедности. Я считаю более продуктивным подход, позволяющий предположить, что люди хотят мигрировать, потому что а) они сами считают себя бедными и б) считают бедность неотъемлемой характеристикой места» [Carling 2002: 19].

История региона позволяет понять, откуда возникают идеи, являющиеся двигателем современной трудовой миграции. Можно выделить несколько таких идей: 1) Волло — бедная провинция; 2) нельзя полагаться на сельское хозяйство как на единственный источник дохода; 3) недоверие к государственным инициативам. Основным термином, которым воллийцы описывают трудовую миграцию, является слово *syddət* (ሰደጉ — амх. «изгнание»). Этот насыщенный негативными коннотациями термин лишает людей возможности говорить о миграции как об избранной ими стратегии, предлагая им вместо этого язык вынужденной мобильности: миграция — это то, что ты не можешь не совершить. Вероятно, такой взгляд на мобильность мог сформироваться раньше, когда Эфиопия переживала тяжелые годы засухи, эпицентром которой и была провинция Волло. Но если в годы засухи терминология вынужденной мобильности была более чем оправданна, сейчас ее использование кажется инерционным, ведь основным двигателем миграции является не спасение жизни, а желание улучшить благосостояние семьи¹. В статье я коротко охарактеризую историче-

¹ Вероятно, отношение к миграции как к вынужденной мобильности можно объяснить социальным давлением, но такая интерпретация отвергается самими информантами и требует серьезного обоснования.

скую роль Волло в Эфиопии и остановлюсь подробно на катаклизмах второй половины XX в., которые, на мой взгляд, и лежат в основе современного дискурса о миграции.

История Волло тесно связана с людскими передвижениями. Положение на востоке Эфиопского нагорья сделало ее своеобразными «воротами» в Эфиопскую империю, через которую шли торговые пути и войны. В 1530 г. через Волло прошли войска Ахмеда ибн Ибрагим аль-Гази, также известного под прозвищем Грань (ግራኝ — амх. «левша»). С большими жертвами и с помощью португальцев нашествие Граня удалось прекратить, однако рубежи Эфиопского царства были настолько ослаблены, что почти не было оказано сопротивления кланам оромо, начавших набеги и миграцию на север. Они полностью изменили культурный ландшафт провинции, привнеся новые традиции, язык и топонимы, к числу которых относится и само слово «Волло». Впрочем, пришедшие оромо довольно быстро ассимилировались, о чем эфиопский источник сообщает уже в 1593 г., отмечая, что новые поколения² оромо перестали убивать лошадей и научились использовать лекарственное растение косо [Чернецов 1984: 142]. Затем они перешли на оседлый образ жизни и стали использовать амхарский язык, так что в середине XIX в. миссионеры Изенберг и Крапф замечали, что только незначительное число оромо в Волло говорят на своем языке [Asnake Ali 1983: 95]. Все это позволило Дж. Тримингему назвать Волло культурным плавильным котлом [Trimingham 1952: 106].

На протяжении XX в. Эфиопия претерпевала множественные трансформации и потрясения. Засуха, войны и государственные проекты провоцировали мобильность и создавали новые ее формы на Африканском Роге. Во второй половине XX в. голод приходил в Эфиопию по меньшей мере четыре раза: в 1958, 1966, 1972–1973 и в 1984–1985 гг.³ Голод 1972–1973 гг. первый получил

² Двигателем миграции оромо была система возрастных классов, в рамках которой каждые восемь лет инициировался новый класс воинов, доказывавших свою доблесть в военных набегах.

³ Даты имеют приблизительный характер, и некоторые источники датируют эти бедствия другими годами. Связано это с тем, что однозначно определить на-

широкую международную огласку благодаря фильму журналиста Д. Димблеби “Unknown famine”. Число жертв этого бедствия оценивают в 40 000–200 000 человек [Gill 2010: 28]. А. де Вааль считает цифру 200 000 завышенной, по его данным, число жертв голода не превысило 80 000 [deWaal 1991: 58]. Образ голода в Волло активно использовался во время политической борьбы в 1974 г. для дискредитации Хайле Селассие и свержения его власти.

Последний крупный голод, 1984–1985 гг., также широко освещался в международной прессе. По всей видимости, это было бедствие невиданного масштаба, которое сравнивают только с историческими «Злыми годами» 1888–1892 гг., впрочем, население Эфиопии было значительно меньше век назад [Pankhurst 1992: 26]. Дессалень Рахмато замечает, что в 1984 г. голод только получил огласку, тогда как фактически проблема начала появляться за несколько лет до этого [Dessalegn Rahmato 1991: 14]. А. де Вааль оценивает число жертв в 400 000 человек без учета тех, кто погиб в процессе программы по переселению [deWaal 1991: 5].

Дессалень Рахмато, выдающийся эфиопский социолог, который в юности сам работал в программе по переселению людей из густонаселенных возвышенностей, замечает, что за последний век Волло пострадал от шести засух, и часто именно здесь трагедия достигала огромных масштабов. Он описывает Волло как «место голода и нужды» [Dessalegn Rahmato 1991: 14]. Его книга «Голод и стратегии выживания в Северо-Восточной Эфиопии» содержит очень подробное исследование того, как в условиях жесточайшего кризиса жители Волло используют все возможности, чтобы обезопасить свои жизни. Хотя у людей очень крепкая связь со своей землей и надежда на возвращение дождей может долго сохраняться, так что люди продолжают вспахивать и засеивать землю, рано или поздно им приходилось искать спасения в других частях страны.

Направление миграции определяется родственными связями и шансами найти пропитание и доход. Из-за этого часто семьи

чало и конец голода трудно: в разных областях засуха проявлялась в разной степени. Даже после возвращения дождей на восстановление прежнего уровня урочая, как правило, уходит несколько лет.

разбивались, так как мужчины уходили искать работу в сельском хозяйстве в более благоприятных регионах страны или на государственных аграрных предприятиях, а женщины шли в города, где также искали работу или просили милостыню. Низменные районы первыми стали ощущать на себе голод, поэтому миграция шла в сторону высокогорных районов, но постепенно люди уходили и оттуда. Распространенной практикой было оставление малолетних детей и скота с более состоятельными родственниками, чтобы забрать их после кризиса. В тяжелейших экономических условиях родственные связи могли играть ключевую роль в спасении жизней. В лагерь для голодающих люди приходили в последнюю очередь, так как за ними закрепилась репутация мест болезни и смерти. Засуха сопровождалась резким ростом цен на злаки и падением цен скот. Крестьяне сначала продавали мелкий скот, чтобы прокормить крупный рогатый скот, пока еще оставалась надежда на изменение погоды. Животным скармливали солому с крыши, но затем продавали или съедали и последних животных.

Правительство Дерга взяло на вооружение политику переселения людей из районов, страдающих от голода, на «незаселенные плодородные земли» на западе страны. Программа была разработана раньше, но при социалистическом правлении Дерга и с помощью специалистов из СССР она была возведена в ранг основной меры борьбы с голодом и отсталостью. До революции 1974 г. правительство Хайле Селассие переселило около 10 000 хозяйств ценой 8 млн долларов США. Кампания не принесла ожидаемых результатов, большинство переселенцев вернулись в места происхождения, наблюдатели говорили о многочисленных ошибках и просчетах на всех уровнях проекта [Pankhurst, Piguet 2004: 10]. Коммунистическая идеология правительства Дерга вдохнула новую жизнь в программу переселений. Предполагалось, что в результате будут созданы процветающие коммуны нового типа вместо обнищавших деревень прошлого.

Программа переселения была крайне противоречивой. Среди переселенцев были добровольцы, но были и те, кого заставляли участвовать или завлекали обманом. Несмотря на значительную финансовую поддержку программы, ее воплощение было плохо

организовано, множество людей погибли в дороге, потеряли свои земли и родственников. Помощь новым поселенцам также была крайне неоднородна, и в первые годы на новых местах люди боролись за выживание. Международные организации неоднозначно отнеслись к проекту переселения. Например, «Врачи без границ» призывали бойкотировать переселение. Дессалень Рахмато так вспоминает свою работу в университетской бригаде⁴: «Это была настоящая трагедия из-за ужасной организации. Дети были оторваны от своих родителей, жены — от мужей, и всех направляли в разные места. Множество людей погибло. У некоторых не было подходящей одежды, некоторых вообще не снабжали продовольствием. Это было ужасно. <...> Мы были там, чтобы помогать, но мы ничего не могли сделать. В основном мы пытались как-то устроиться сами» [Gill 2010: 48].

А. Панкхарст провел фундаментальное исследование новых поселений спустя несколько лет после воплощения программы. Его книга «Переселение и голод в Эфиопии: опыт крестьян» проливает свет на то, как была организована программа по переселению и как она отразилась на судьбах жителей Эфиопии [Pankhurst 1992]. Между 1984 и 1986 гг. было перемещено более 500 000 человек, что делает переселение самым амбициозным и сложным проектом эфиопского государства в XX в. [Pankhurst 1992: 51]. Для региона Волло число переселенцев составило 11 % всего населения. Это факт заставляет обратить на программу пристальное внимание, но не стоит при этом забывать, что миграция с перенаселенного севера существовала и до вмешательства государства. Люди, как правило, уезжали из-за недостатка плодородной земли и ее деградации, засух, выселений при строительстве новых государственных объектов. Крестьяне ехали туда, где была возможность найти землю или получить работу.

В 1984 г. из-за засухи ситуация обострилась, и государство предложило программу переселения. Но даже в это время решение принималось непросто. Эпизод из жизни крестьянина показы-

⁴ Для работы в программе по переселению правительство Дерга мобилизовало студентов и госслужащих.

вает некоторые мобильные практики, связанные с засухой, и то, каким непростым было решение о переселении: «Мухаммед жил рядом с Харбу в районе Каллю [Южное Волло]. В начале голода он отправил свою жену и двух своих младших детей к своему брату, который жил неподалеку в высокогорном районе. Тем временем он и его сын-подросток попытались еще раз вспахать поля. Его старший сын отправился в город в поисках работы вместе с дядей, где работал за еду, выращивая саженцы. Когда голод усилился, Мухаммед и его сын бросили поля и отогнали своего оставшегося вола, корову и трех овец в высокогорье. Затем он оставил сына заботиться о скоте, а сам пошел искать работу в Борена [около 150 км к западу], где за перемол порции злаков ему давали одну горсть зерна. Когда он вернулся домой, он обнаружил, что старший сын записался в программу переселения, так как он больше не мог найти работу. Сын предлагал поехать вместе, но Мухаммед не поехал без остальных членов семьи. Пока он их собрал, группа его сына уже уехала. Голод все еще не утихал, и Мухаммед подумал, что, возможно, он найдет сына, поэтому он и его семья также зарегистрировались» [Pankhurst 1992: 40].

Работа А. Панкхарста отражает всю сложность и разнообразие ситуаций, связанных с программой по переселению. Тенденции, которые он выделяет, находят прямые параллели с современной трудовой миграцией. Во-первых, стереотип, будто в программу переселения записывались только люди на грани истощения, неверен. Часто добровольцами оказывались молодые люди примерно того же статуса, что и современные мигранты. В том числе среди добровольцев были несовершеннолетние, которые, как и современные трудовые мигранты, находили пути обхода возрастных ограничений [Pankhurst 1992: 64]. Часто это были люди в какой-то степени маргинализованные, находящиеся в отношениях зависимости (например, дети бедняков или сироты, работающие на чужие хозяйства). Иногда переселенцы вспоминают, что решение было принято в результате конфликтов в семье, ссор с родственниками и родителями [Ibid.: 106]. Часто людьми двигала надежда на улучшение своего положения, а также многие информанты А. Панкхарста отмечают давление сверстников — при-

чины, которыми воллицы объясняют миграцию и в наше время [Ibid.: 102]. Параллель с современной трудовой миграцией можно увидеть и в том, что молодые люди часто регистрировались переселенцами и уходили тайно, чтобы не провоцировать неодобрение родственников [Ibid.: 93]. Несмотря на то что мотив тайного ухода может быть не вполне ясным, сама практика часто упоминалась и моими информантами из Волло.

Наверное, ключевым отличием программы по переселению и трудовой миграции является отношение государства. Если программа по переселению была основной мерой эфиопского правительства по борьбе с отсталостью и голодом и пропаганда постоянно подчеркивала ее значимость и пользу, то неконтролируемая трудовая миграция (особенно нелегальная), наоборот, является постоянной мишенью для официальной критики, несмотря на то что ее польза для страны значительно менее спорна. Также важно, что переселение подразумевает смену места жительства, тогда как арабские страны всегда фигурируют лишь как временные пространства для достижения определенных экономических целей.

Государственная природа программы по переселению вызвала у крестьян ассоциации с другой исторической формой мобильности — призывом крестьян в военные походы. Этот милитаристский этос особенно импонировал молодым людям, но можно также заметить, что предрасположенность к мобильности в целом больше свойственна молодым: «Эти дети ушли в переселение из-за непоседливости, а не из-за голода. Затем мы прошли через тяжелые времена, а теперь, когда еды снова достаточно, им снова не сидится на месте. Молодые никогда не учатся» [Pankhurst 1992: 222].

Дессалень Рахмато обращает внимание на то, что период после засухи также невероятно тяжелый, так как недостаток зерна и крупного скота для земледелия ощущается еще несколько лет. В социальном плане в это время люди также переживают трудное время, так как семейные и родственные связи могли очень сильно пострадать во время голода. Они восстанавливают хозяйства почти с нуля и образуют новые семьи. При этом вдовы в некоторых случаях остаются главами домохозяйств, вдовцы же, как правило,

стремятся жениться снова, так как мужчины не могут выполнять женские функции в хозяйстве. «Семьи, которые потеряли больше одного члена, особенно те, кто потерял одного из супругов или полноценного работника, находятся в особенно трудном положении и должны возместить потерю тем или иным образом. Мужчины, потерявшие своих жен во время кризиса, охотятся за незамужними женщинами или вдовами. Это период браков или, точнее, вторичных браков и в общем переструктурирования семьи» [Dessalegn Rahmato 1991: 193].

Мне кажется, что именно в таких трудных условиях могла сложиться особая воллийская культура взаимной толерантности и легкого отношения к смене религии. Люди разной веры не могут состоять в браке, но переход в другую веру не осуждается сообществом, и многие меняют вероисповедание больше одного раза в жизни в связи с различными обстоятельствами. Кроме того, разводы и вторичные браки часто совершаются просто по взаимному соглашению, без праздников и церемоний. Можно сказать, что неустойчивая экология создает гибкие социальные структуры и соответствующие им культурные предписания.

Вторая половина XX в. характерна для Эфиопии массовыми перемещениями людей в условиях войны⁵, голода и засухи. Именно истощенные люди на дорогах в Волло стали для властей знаком серьезности голода в 1973 и 1984 гг. Этот исторический контекст, наверное, и определил язык миграции в Эфиопии. Согласно свидетельству А. Панкхарста, переселенцы также описывали свою миграцию в терминах вынужденного перемещения: «Среди распространенных выражений были “солнце рассеяло нас” и “засуха изгнала нас с нашей родины”. Эти глаголы содержали семантику насилия — “выкорчевывание”, “отвязывание”, “изгнание”. При этом действие приписывалось солнцу, небу или земле» [Pankhurst 1992: 29]. Интересно, что язык вынужденной мобильности, который, кажется, адекватно подходит к ситуации с голодом, перенес-

⁵ В 1980-х годах на севере Эфиопии началась гражданская война, спровоцировавшая значительную миграцию в Судан. В этом же контексте была развернута операция «Соломон», нацеленная на репатриацию эфиопских иудеев [BenEzer 2005].

ся на современную трудовую миграцию, только вместо изгоняющего солнца и засухи молодые люди говорят об изгоняющей их бедности. Однако истории о конфликтах и спорах внутри семей в 1984–1986 гг. показывают, что, как и сегодня, эта «вынужденность» может быть поставлена под сомнение и имеет скорее нарративную природу.

В результате двух крупных засух и программы по переселению за Волло в Эфиопии закрепился образ «места голода и нужды», а за воллийцами — репутация бедствующих людей: «Когда воллийцы бегут, они забирают с собой даже своих собак» [Pankhurst 1992: 26]. Но еще важнее то, что эти события повлияли на представления самих жителей Волло о своей земле. Мобильность как принятая обществом стратегия выживания вместе с представлением о бедности как о неотъемлемой характеристике региона и нестабильности сельского хозяйства сделали трудовую миграцию широко принимаемой практикой, несмотря на высокие риски, сопряженные с нею.

Библиография

Стеблин-Каменский Н.И. Антропонимика Северного Волло (Эфиопия) // Антропология и лингвистика. Материалы петербургских экспедиций в Африку. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 30–47.

Чернецов С.Б. Эфиопские хроники XVI–XVII веков. М.: Наука, 1984. 388 с.

Asnake Ali. Aspects of the political history of Wallo, 1872–1916. PhD thesis. Addis-Ababa: AAU, 1983.

BenEzer G. The Migration Journey: The Ethiopian Jewish Exodus. New Jersey: Transaction Publishers, 2005. 268 p.

Carling J. Migration in the age of involuntary immobility: Theoretical reflections and Cape Verdean experiences // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2002. Vol. 28, No. 1. P. 5–42.

Dessalegn Rahmato. Famine and survival strategies: a case study from Northeast Ethiopia. Uppsala: Nordic Africa Inst, 1991. 249 p.

deWaal A. Evil Days: Thirty Years of War and Famine in Ethiopia. N.Y.: Human Rights Watch, 1991. 420 p.

Gill P. Famine and Foreigners: Ethiopia Since Live Aid. Oxford: OUP, 2010. 290 p.

Kefale A., Mohammed Z. Ethiopian Labour Migration to the Gulf and South Africa. Addis Ababa: Forum for Social Studies, 2016. 101 p.

Pankhurst A. Resettlement and Famine in Ethiopia: the villagers' experience. Manchester University Press, 1992. 290 p.

Pankhurst A., Piguet F. Contextualising migration, resettlement and displacement in Ethiopia. Addis Abeba: AAU, 2004. P. 1–30.

Trimingham J.S. Islam in Ethiopia. Oxford: Oxford University Press, 1952. 299 p.

ESCAPE, RESETTLEMENT, MIGRATION: COMPELLED MOBILITY IN PAST AND PRESENT IN VOLLO PROVINCE (ETHIOPIA)

N.I. Steblin-Kamenskiy

Labor migrants from Ethiopia to the countries of the Persian Gulf often speak about their migration as a compelled decision while the language of the “compelled mobility” is likely to have been formed in the time preceding the international migration, when the country passed through the hard period of droughts and political non-stability. Because of its geographical position Vollo province was strongly affected during the time of droughts and was the main source of migrants in the frame of Derga program in 1984-1986. Despite all the specifics of labor migration from Vollo to the countries of the Gulf at the discourse level it is possible to see its connection with the preceding forms of mobility which explains the relevancy of this practice in modern Vollo.

Keywords: Ethiopia, Vollo province, labor migration, forms of mobility.